

— Пошли, отведу тебя, беднягу, накормить стейком.

По правде говоря, мне совсем не хотелось есть стейк. Если бы не жгучий, до боли в желудке голод, я ни за что не стал бы тратить деньги на такую разорительную прихоть. По дороге то и дело попадались рестораны, от их обилия у меня рябило в глазах. Я в этих краях человек чужой, так что мне было не по себе.

Есть у меня одна дурная привычка — не люблю незнакомые места, чувствую себя не в своей тарелке.

Цзан Гуаньмо бросил на меня быстрый взгляд:

— Тебе не место не по душе, а цены, признайся?

Я выпрямил спину:

— Да ты за кого меня принимаешь?!

— Вот и славно, — бросил он, протягивая руку, и потащил меня в первое попавшееся заведение.

Стоило переступить порог, как вся обстановка так и кричала двумя словами: «Грабёж серед бела дня». Я терзал себя раскаянием: какого чёрта я вздумал соревноваться в крутизне с этими заграничными чёртами? Недостаточно я закалён, ох как недостаточно.

Атмосфера в ресторане царила утончённая: приглушённый свет, просторный зал, и даже официанты, разносившие тарелки — сплошь носатые иностранцы. Цзан Гуаньмо затянул с одним из них какую-то болтовню по-ихнему, глядя в меню. Сердце моё обливалось кровью, я зашипел на него: «Только не заказывай всякую всячину, слышишь? Разозлишь меня — пожалеешь!»

Официант растерянно моргнул, а Цзан Гуаньмо с беззаботной улыбкой вытянул указательный палец и ткнул в меня:

— Мой малыш, Бобби.

Иностранец вежливо поприветствовал меня:

— Привет, малыш Бобби.

Малыш твой боббик вприкуску... Не успел я прийти в себя от такого удара, как передо мной

вырос окровавленный стейк.

Человек я простой, из крестьян, в западных ресторанах всегда теряюсь, прямо-таки панически боюсь их. Глядя на стейк, мне хотелось просто вгрызться в него зубами и сожрать подчистую, а когда я брал в руки вилку и нож, притворяясь утончённым, меня тошнило от собственной неестественности.

Вот Цзан Гуаньмо как раз из тех показушников, у которых всё напоказ. Он развалился на стуле, но спину держал прямо — сказывалась балетная выучка. Стоило ему принять такую позу, как вокруг него сразу разливалась атмосфера исключительности.

Он повёл себя довольно чутко, понимая, что я вот-вот взорвусь: кроме стейка, себе он заказал лишь порцию итальянской широкой лапши. Покончив с едой, он утер рот и, явно не наевшись, произнес:

— Цзяо Цзяо, закажи-ка кофе.

— Да ты рехнулся, мать твою! — стоило мне вспомнить, что придется расплачиваться, как я пустил в ход всю свою ругань. — Вернемся в гостиницу, заварим растворимого.

Он лишь беззаботно повёл бровей и щелчком пальцев подзвал официанта. Я украдкой под столом скопировал его жест: чертовски стильно, сплошная мужественность. Как-нибудь вернусь домой и покажу этот фокус Декстеру, чтобы от зависти неслась ещё чаще.

Принесли счёт. От одного взглянув на него, я чуть не грохнулся в обморок, но проклятый мозг отказывался вырубаться от стресса. Оказавшись на краю отчаяния, я взмолился о помощи:

— Братец, одолжи немного, у меня с собой нет столько наличных.

— Так расплатись карточкой! — Цзан Гуаньмо, услышав это, тоже занервничал, растеряв всю свою элегантность и лоск. Он подался вперед и закричал на меня.

Два придурка. Глаза официанта округлились донельзя — он явно боялся, что мы сбежим.

— Какая у меня карточка, я же только что школу окончил! — взмолился я. — Не будь занудой, займи хоть сколько-нибудь. Мы же теперь в одном котле варимся, никуда я от тебя не денусь.

Он скорчил такую невинную физиономию, что чуть не скрестил глаза.

— Да я не то чтобы не хочу... Ты же сам сказал — идём ужинать в ресторан, я всё оставил в номере, с собой всего десятка с небольшим, я же только что на книги потратил!

Никчемышь. Зря я только братиком его звал! Сожрав себя изнутри, я со слезами на глазах, с трепетом и полнейшей безысходностью достал кошелек, вытащил банкноты и стал пересчитывать их снова и снова, после чего передал официанту:

— Обязательно брать плату за обслуживание?

Но для заведения клиент — император, и официант сделал вид, будто не замечает моих мук, вежливо ответил:

— Обязательно, таковы правила. Сэр, позвольте убрать ваши тарелки.

Цзан Гуаньмо с досадой зыркнул на меня и подставил руку под мой подбородок:

— Открой рот, дай людям убрать тарелки.

В конце концов, я человек цивилизованный, а не разбойник какой-нибудь. Стоило мне открыть рот, как тарелка, которую я с момента получения счёта судорожно сжимал в зубах, брякнулась прямо в руку Цзан Гуаньмо. Даже не поднимая глаз, он отдал её официанту, схватил меня за руку и вытащил наружу.

Едва мы вышли за дверь, он спросил:

— Живот всё еще болит? Я ведь переживаю за тебя.

— Уже нет, братец, — ответил я. — Теперь в другом месте болит.

На улице уже зажигались первые огни, повеяло прохладным ветерком — благодать.

По обеим сторонам дороги кипела жизнь. Центр города совсем не похож на наши края: здесь было всё — еда, развлечения, всякие побрякушки. Фруктовые лавки в два раза больше тех, что у нас возле дома, и сплошь импортные товары, половины из которых я сроду не пробовал. Цзан Гуаньмо с раздражающим видом заявил, что ничего особенного вкусного тут нет... а, погоди, вот это вкуснятина! С этими словами он ткнул в горсть ягод на веточках, похожих на маленькие красные финики. Я пригляделся: импортная крупная черешня. Пятьсот граммов за семьдесят восемь юаней.

— Черт побери! — рявкнул я мысленно. — Вот стану звездой, разбогатею — накоплю этой черешни, но жрать не буду, стану под ноги себе бросать и топтать!

Пройдя ещё немного, я засмотрелся на лоток с разнообразной бижутерией и присел на корточки, разглядывая товар.

Там продавались не только чисто девчачьи штучки, но и мужские аксессуары в суровом тибетском стиле. Жадно шаря глазами по прилавку, я за приметил плетёный кожаный шнурок-ошейник — стильный, мужественный, совсем не бабий.

Продавец тут же принялся расхваливать моё чутье: мол, чистая кожа молодого бычка, ручная работа, можно носить с подвеской, можно без, а наденешь на шею — все девчонки на улице будут оборачиваться.

Я подумал про себя, что мне эти уличные девчонки больно нужны, но лапал шнурок с безумным вожделением. На ощупь он был прохладным и гладким. Мне казалось, эта вещь изначально принадлежала мне, и не будь вокруг столько народу, я бы точно выхватил её и дал деру.

Продавец, заметив мой зачарованный вид, смекнул, что сделка выгорит, и напустил на себя самый благодушный вид:

— Братишка, давай так: вижу, как она тебе нравится, отдам по честной цене — за сто пятьдесят. ...Чего это я сдурел, говоришь? Ты товар-то получше рассмотри! Разве это сравнится с теми подделками под кожу, что на улице продают? Разве их поносишь? Чуть вспотеешь — либо краска лезет, либо трескается. Цена соответствует качеству. Если и впрямь нравится, давай сойдемся как друзья — за сто тридцать!

— Разве что пойти кровь продать, — буркнул я.

Лицо продавца перекосилось, но он скрепя сердце выдавил:

— Ладно, дешевле нельзя, оставь мне хоть на дорогу до дома — сто двадцать. Если и так не устраивает, ищи в другом месте.

Отдать сто двадцать юаней за собачий ошейник я точно не собирался. Я лишь медлил, надеясь еще чуть-чуть подержать его в руках, как вдруг подал голос этот ублюдок Цзан Гуаньмо:

— Хозяин, надень-ка на него.

С этими словами он вытащил две портрета горячо любимого председателя Мао, и глаза продавца мгновенно покраснели от жадности.

Мои глаза, впрочем, тоже покраснели.

— Черт побери, Цзан Гуаньмо! Ты что, решил со мной как с обезьяной в цирке играть? Только что говорил, что у тебя нет денег!

Он с наглой ухмылкой подзадоривал меня:

— А сам-то? Тоже ведь крутил меня вокруг пальца, деньги припрятал и заявлял, что наличных не хватает. Должен же я был как-то защищаться!

— Подлец, нашел время рассуждать о самозащитке посреди улицы! — Я нарочно обливал его грязью, и чем больше думал об этом, тем сильнее чувствовал себя несправедливо обиженным. Резко вскочив на ноги, я оставил Цзяо-обезьяну корчиться на корточках в попытках натянуть мне на шею «собачий ошейник», а сам взбешенно бросил:

— Пойду куплю Лянь Дуну коробочку с обедом! Он ко мне относится куда лучше тебя, чем всякие ты!

Пока я стоял в очереди за едой, лицо у меня было такое мрачное и суровое, будто я инспектор торгово-промышленного управления, пришедший громить нелегальных торговцев. Повар испугался и бухнул в мою порцию лишний шарик из свинины в соевом соусе — Лянь Дун точно лопнет от объедения.

Сзади кто-то пристроился. От этого человека даже без оглядки веяло такой спесью, что я сразу понял, кто это.

— Эй, — окликнул меня Цзан Гуаньмо, перехватывая у повара коробку с едой.

Я обернулся и едва успел поймать брошенный мне полный пакет с черешней.

— Не жри всё разом, заворот кишок будет.

Я расплылся в улыбке до ушей и тут же запихнул за обе щеки штук семь-восемь ягод.

Семена за ним по пятам, я наблюдал, как он горделиво выпячивает грудь и бросает на меня взгляд:

— Ну и кто к тебе лучше относится — Лянь Дун или я?

— И не стыдно тебе самоутверждаться за счёт такого сопляка, как я? Тоже мне занятие нашел.

— Вон Люй Цю держит питомца, так тот хоть на голос отзывается.

Видя, что я молчу, он протянул руку, намереваясь забрать черешню обратно. Я тут же испуганно пискнул, и он, торжествующе вздернув бровь, потрепал меня по макушке.

Вернувшись в гостиницу, я постучал в дверь комнаты Лянь Дуна. Едва заведя шедшего за мной Цзан Гуаньмо, он мгновенно насторожился и принялся с подозрением разглядывать его с ног до головы. Я вкратце пересказал ему суть дела, на что Лянь Дун рассеянно закивал. С заминкой потянув меня за рукав, он явно хотел что-то сказать, но осёкся. Цзан Гуаньмо фыркнул:

— Ладно, я пойду к себе. Цзяо Цзяо, поболтай с другом.

Стоило ему захлопнуть за собой дверь, как Лянь Дун затащил меня внутрь и запер замок. Я разъяренно набросился на него:

— Чему я тебя с детства учил? Хоть капля манер у тебя есть?!

— Тьфу на тебя, — Лянь Дун отвесил мне пинка, отчего я взвыл от боли.

— Ах ты паршивец, решил старые обиды припомнить? Пинаешься ещё как следует! А ведь я ещё и о твоём пузе думал! — С этими словами я сделал вид, что собираюсь выбросить коробку с едой в окно.

— Да угомонишься ты или нет? — Лянь Дун с недовольным видом отобрал у меня ужин и принялся жадно уплетать его за обе щеки. — Сказал же, моя досада относится к делу, а не к человеку.

Я плеснул ему воды, чтобы не подавился:

— Жрёшь как не в себя. Наверняка ведь наговорил про меня гадостей своей пассии?

Он зыркнул на меня:

— Чокнутый? У меня что, времени вагон про тебя говорить? Я ей даже прямо не сказал, что еду на актёрские прослушивания, соврал, что сдаю компьютерный экзамен, и всё равно провалился.

— И как же она тебя утешала? — я с предвкушением вытянул шею. Надеюсь услышать что-нибудь пошлое — до чего же я падкий на такое.

На лице Лянь Дуна непроизвольно появилась слюняйская улыбка, но стоило ему произнести первое слово на букву «она», как он тут же спохватился, зыркнул на меня и оборвал себя:

— С какой стати тебе рассказывать? Хочешь сладких речей — заводи себе кралоу. Тебе лишь бы чужие секреты подслушивать, совсем с мозгами беда.

— Мать твою! — я вренул кулаком ему в спину, и он сам рассмеялся.

— Короче, прекращай заниматься ерундой. Вся эта сетевая болтовня — не то, чему стоит слепо верить. Ты её в глаза не видел, с чего уверен, что она та за кого себя выдает? Ещё окажется каким-нибудь мужиком — в худшем случае извращенцем, в лучшем — латентным гомосеком.

Я хохотал не переставая, но Лянь Дун, будто что-то вспомнив, резко дёрнул меня за рукав:

— Эй, дурень, если честно... Этот Цзан... Цзан как его там, Гуаньмо — он вообще кто такой? Я тут видел в павильоне, как он разговаривал с Сяо Энем — такой заносчивый, на всех свысока смотрит. Мне от него не по себе. Слушай, давай-ка ты сегодня у меня переспишь?

— С какой стати? — удивился я. — Нормальный мужик, вон мне даже черешни купил.

Лянь Дун от досады даже проглотил свой мясной шарик не жуя, ткнул меня в бок и вытолкал за дверь:

— Проваливай, проваливай! Мне нужно собираться с силами, чтобы дальше ворковать с моей ненаглядной. А кто тебе черешню покупал, тем пусть она поперёк горла и встанет!

Вернувшись в комнату, я обнаружил, что дверь приоткрыта. Толкнув её, я увидел, как этот бесстыдник Цзан Гуаньмо развалился на изголовье кровати, демонстрируя мышцы.

Волосы его были мокрыми — судя по всему, только что принял душ. На нём были свободные хлопчатобумажные брюки, а торс оставался обнаженным. Кожа цвета пшеничного загара... Я-то и раньше знал, что фигура у него что надо, но стоило ему снять футболку, как оказалось, что мышцы донельзя рельефные и подтянутые. Мне так и хотелось стянуть с ресепшена сковородку и огреть его ею по голове — проверить, что крепче: его череп или железо.

Книга «Тристан и Изольда» была раскрыта где-то посередине и валялась обложкой вверх на прикроватной тумбочке. Наверное, наткнулся на какой-то сногшибательный сюжетный поворот: он смотрел в окно, а во взгляде читалась такая отрешенность, будто он предавался воспоминаниям о былом.

Я замер вместе с ним, забыв даже про черешню, пока в горле не запершило от кашля. Только тогда я заметил между его пальцами тлеющую сигарету.

— Кхе-кхе... — Черт знает, что за марку он курил, но запах стоял едкий и удушливый, меня тут же продрало на сильный кашель.

Услышав звуки, он повернулся ко мне. Секунды две он пристально вглядывался в меня, и растерянность на его лице постепенно рассеивалась, уступая место живым эмоциям — словно человек проснулся ото сна, взгляд его ожил, и весь он разом оживился.

Он капризно качнул подбородком, приказывая мне закрыть дверь, после чего по-хулигански затанулся, широко открыв рот и заставив кадык заходиться в движениях, полностью проглотив дым.

Терпеть не мог эту его показную меланхолию. Придуток, вырядился в одежду за четыре-пять тысяч, а всё туда же — косит под маргинального подростка. Я подошел, подхватил с тумбочки мусорное ведро и поставил рядом с его кроватью:

— Совесть имей. Мы в комнате вдвоем, курить запрещено.

Он лишь скабрёзно ухмыльнулся.

— Чего лыбишься? — возмутился я. — Мои слова впустую пропускаешь? Потуши сигарету, слышишь? Кхе-кхе.

Он распрямил плечи и с наглым видом выпустил мне прямо в лицо огромное кольцо дыма. Я не успел увернуться, меня вновь зашло в кашле, глаза заслезились от едкого дыма, слезные железы закололо, и я замахал руками, отворачиваясь в полном отчаянии.

Этот негодяй расхохотался:

— Ого, а на этот раз ты и правда закашлялся!

— Сволочь! До уровня духовной цивилизации тебе ещё расти и расти.

Меня так задело это издевательство, что купи он мне хоть десять пакетов черешни — физиономия осталась бы ровно такой же гнусной, как у ростовщика. Я рванул дверцу шкафа в поисках чемодана:

— Раз тебе плевать, сиди тут со своим дымом, а я к Лянь Дуну пойду!

Видя, что я и впрямь рассвирепел, Цзан Гуаньмо нехотя затушил сигарету, распахнул окно для проветривания, а затем резко хлопнул меня по руке:

— Ишь ты, чуть что — сразу обижаться.

От неожиданности я ослабил хватку, сумка выскользнула из рук, и наружу выкатился тяжелый, забожливо обернутый в три слоя тряпок свёрток.

Меня тут же прошиб пот. Бесстыдно расплывшись в улыбке подсолнуха, я пробормотал:

— Повинную голову меч не сечет, с кем не бывает...

Цзан Гуаньмо не стал сразу отвечать. Склонив голову набок, он озадаченно протянул:

— Цзяо Цзяо, это что у тебя выпало? По форме... до боли знакомо?

Сердце моё рухнуло в пятки: с чего бы это такой форме казаться ему знакомой? Он ведь с самого начала положил глаз на моё сокровище!

— Пустяки, так, отравы для крыс.

Цзан Гуаньмо одновременно усмехнулся и нахмурился:

— Совсем кукухой поехал? Зачем тебе с собой в дорогу крысиный яд?

— Да мать заставила, у нас в деревне так принято, — выпалил я, даже не моргнув глазом. — Всегда беру с собой, когда ночью вне дома. Говорят, от нечисти помогает.

Иностранец был потрясен размахом китайских народных суеверий.

— А-а... — протянул он и, закинув ноги на стол, принялся разминаться. — Ты разве не собираешься в душ?

Я поспешно подобрал свёрток, оглянулся: Цзан Гуаньмо с закрытыми глазами напевал под нос какую-то мелодию, растягивая ноги, и совсем на меня не смотрел. Я осторожно спрятал его обратно в сумку и запихнул в глубь шкафа.

После душа я в одних трусах вышел из ванной. Хорошо хоть догадался надеть свободные «семейники» — вполне прилично и достойно, в конце концов, оба мужики, нечего тут манерничать.

Цзан Гуаньмо бессовестно таскал мою черешню, но стоило ему поднять взгляд и бросить на меня косой взор, как он фыркнул со смеху:

— Цзяо Цзяо... да ты... — он задохнулся от хохота. — А амбиции-то у тебя недетские! Даже трусы с драконом носятся, ну и стилига.

Я гордо задрал подбородок и ткнул пальцем в изображение дракона на ткани:

— Чё ты понимаешь! Национальное — значит общемировое. У тебя вообще есть понятие прекрасного?

— Конечно-конечно, — Цзан Гуаньмо смеялся так, что чуть со стула не рухнул. Нахохотавшись вдоволь, он выдал с дурашливым видом: — Всё, не могу, у меня аж живот от смеха заболел.

Я проигнорировал его. Глянув на время и поняв, что уже поздно, я плюхнулся на край кровати и завалился спать, накрывшись с головой. Цзан Гуаньмо продолжал что-то напевать под нос, собираясь в ванную, но стоило ему перешагнуть порог, как оттуда снова раздался дикий хохот, напоминавший крик дикого африканского осла.

Мать твою! Я с досады принялся колотить подушку: как я мог забыть убрать грязное белье? Предсказуемо этот негодяй начал измываться надо мной из ванной:

— Цзяо Цзяо, я часом не ослеп? Ладно дракон на трусах, но откуда там взялся Ультрамен? Где ты такое откопал, чёрт возьми, чистое произведение искусства... Ха-ха!

Я притворился спящим и издал оглушительный храп: «Хр-р-р, хр-р-р».

Он вышел обратно, стягивая на ходу штаны:

— Перестань издавать звуки подрагивающего борова.

Я приоткрыл один глаз и жадно проводил взглядом его фигуру, мысленно запечатлевая каждую черту. Черт побери, как же хорош! После начала сборов мне придется тренироваться до седьмого пота, чтобы накачать себе такую же упругую задницу, как у этого иностранца. Конечно, о таком стремлении нельзя рассказывать никому — засмеют и назовут извращенцем. Но... как же завидно! Вот накачаюсь — и тоже на всех своих трусах вышью латиницей «СК».

Но великим замыслом пока еще предстояло сбыться, а мне нужно было спать.

Стоило закрыть глаза, как матрас подо мной тяжело прогнулся, и в спину пахнуло теплом. Я знал, что он лег рядом. Стоило мне повернуться, как я наверняка уперся бы взглядом в его синевато-серые, похожие на море глаза, в эти точеные черты лица. От этой мысли меня почему-то охватило странное беспокойство. Заснуть никак не удавалось, в груди словно застрял ком, перевернуться было боязно, а от невозможности повернуться хотелось сделать это ещё сильнее. Внутри меня словно поселился бесёнок, и я, изнывая от смятения, ожесточённо чесал затылок.

— Ты чего копошишься?! — низкий голос прозвучал прямо над ухом. Он придвинулся вплотную, шепча мне на ухо. От него исходило приятное, обжигающее теплом дыхание.

Он хлопнул меня по голове:

— Чего чешешься, вши завелист?

— Сам ты вшивый, — буркнул я, убирая руку и замирая на месте.

Стоило представить, что он сейчас смотрит на меня, как моё тело заледенело, я перестал даже дышать, боясь выдать своё смущение.

Спустя какое-то время он вроде бы шевельнулся, закинув ногу в сторону. Я в этот момент ловил каждую нервную клеточку, и вдруг его нога легла мне прямо на бедро. Обжигающий жар устремился к самому паху, подступая к самым интимным местам. Я в панике подорвался с постели и наотмашь, чисто инстинктивно, шлёпнул его по руке.

В тишине раздался приглушенный стон боли.

— Да ты рехнулся! А ну вставай! — взревел он в гневе.

Матрас под нами заходил ходуном, пружины с грохотом сжались и разогнулись. Он сел и властным движением рывком приподнял меня за шиворот.

Я чувствовал себя ужасно неуверенно, глаза упорно смотрели в пол, боялся поднять взгляд. Его голос звучал опасно и зло:

— Подними голову.

— Боюсь луны.

— Чего в ней бояться?

— На лунный свет долго смотреть — для зрения вредно.

— Опять чушь несешь! — оборвал он меня разъяренно. — Шторы задернуты, нет никакой луны.

— Тем более не подниму.

— Почему?

— Ни зги не видно, подниму голову, а там ты — сплошное темное пятно, только зрение портить.

Его аж трясло от злости:

— Глаза твои прямо золотые! Чего ты ведешь себя так, будто тебя к стенке приперли? Словно я

собираюсь с тобой невесть что сотворить!

В критические моменты мозги у меня работают из рук вон плохо. Услышав это, я попался на удочку:

— А ты... хочешь со мной что-нибудь сотворить?

— ... — он шумно сглотнул слюну. — Мели Емея!

Я поникший откинулся назад. Он уставился на меня сверху вниз так, будто хотел просверлить дырку в моём лбу. Сидеть вдвоём в такой неловкости было невыносимо, ни сесть, ни встать. Наконец, привыкший к куда более сложным ситуациям Цзан Гуаньмо глубоко вздохнул, слегка успокоившись:

— Цзяо Цзяо, хватит дурачиться. Скажи мне честно. О чём ты думаешь?

Я скривил губы, чувствуя себя жутко ущемленным:

— Ни о чём... Просто я не привык. Сколько себя помню, спал в одной постели только с Лянь Дуном, да и то мы с ним с пелёнок вместе.

И мерялись пиписьками, кто больше.

Эту последнюю фразу я произнести не рискнул.

— Вот поэтому... Хотя мы с тобой и поладили, но знакомы-то всего день, непривычно мне. К тому же... Лянь Дун вечно пугает меня, говорит, что нынче нравы распушенные, геев кругом полно. Я дальше трех ли от родного порога отроду не отъезжал, страшно мне. Вдруг ты и вправду окажешься...

Цзан Гуаньмо с горькой усмешкой вздохнул, потрепал меня по волосам и пробормотал:

— И впрямь ты у меня ходячее сокровище, такое наивное...

Помолчав с минуту, он вдруг спросил:

— Давай рассуждать так: дело ведь вовсе не в том, гей я или нет, а в том, Цзяо Цзяо... а сам-то ты хочешь, чтобы я им был?

В голове сперва образовалась пустота, а затем меня мягко оглушило. Ну и бес же этот парень, перехватил инициативу подчистую, оставив мне лишь возможность отшутиться.

— Братец, если я подумал о тебе всякую грязь — значит, я сволочь. Просто я смертельно устал, соображаю плохо, спой-ка мне лучше колыбельную.

Он криво улыбнулся:

— Ладно.

Мы снова чинно улеглись рядышком, каждый под своим тонким одеялом, и он затянул песню. Стоило мне разобрать слова, как кровь забурлила в жилах:

— Это же Н.О.Т., Сет!

Он удивленно протянул:

— Ты знаешь?

Я хмыкнул:

— Братец, брось, я обожаю эту песню. В ней и боевой дух, и юность, и недостижимые мечты...

Он на мгновение умолк:

— Умница, — нерешительно протянув руку, он легко коснулся моего уха.

Я тихонько усмехнулся, он ласково потянул меня за мочку, после чего положил ладони на мою щеку и уже не убирал, продолжая тихо напевать под нос.

Его ладонь была такой тёплой, словно прозрачный родник прохладной водой омывал меня изнутри, струясь напрямик к сердцу.

<http://bllate.org/book/21141/2144105>